

Нина Ричардовна – старая сквалыга

Утренний луч осветил темную мрачную, оклеенную грязно-коричневыми в квадратик обоями. Обстановка этого помещения была очень необычной. Тут было всего столько понаставлено, что оно больше напоминало склад, чем жилище человека. На полу расстелен грязный, давно нечищенный бурый с узорами ковер. По коврику висело на каждой стенке. А еще три стояли свернутые рулонами у стены за тахтой, на которой спала хозяйка комнаты, маленькая тощая старушонка Нина Ричардовна.

Под самой же тахтой плотно стояли трехлитровые баллоны с огурцами, их было огромное количество, те что не поместились под старушечьим ложем - сиротливо толпились у окна. Все они были закатаны не прошлым и даже не позапрошлым летом, а гораздо раньше. Их содержимое, судя по всему стало непригодным в пищу, но Нине Ричардовне было жалко их выбросить. До этого ей было жалко их открыть и употребить в пищу, а теперь стало жалко выкинуть.

- Ничаво, вона племяш приедет, отдам ему, на закусь к самогону, небось, сгодятся, - думала старушка. Но когда племянник Анатолий источающий неповторимый аромат самогонного перегара навевывался в гости, Нине Ричардовне становилось жалко отдавать ему огурцы.

- Авось так обойдется пьян подзаборная, огурцы ишшо хороши, самой сгодятся, - размышляла старушка, а банки так и продолжали толпиться в ее комнате. Время от времени какой-нибудь баллон взрывался, вонючий тухлый рассол проливался на ковер. Нина Ричардовна, ругаясь на чем свет стоит, убирала осколки и вялые сморщенные овощи, но едкий запах после еще долго стоял в комнате, которую женщина никогда не проветривала.

- Все хвори от сквозняков, - говорила она.

Почти половину помещения занимал гигантский, до самого потолка, платяной шкаф, темный и мрачный, как гроб. Там было сложено такое количество одежды, что даже самой

старушке было страшно туда заглядывать. В гардеробе хранились шубы, пальто, плащи, куртки, свитера и прочие вещи не только принадлежавшие ей, а еще и ее покойным маме и бабушке. Она специально наняла газель и съездила за их пожитками в деревню, чтобы перевезти все старье сюда.

- Вещи хорошаи, добротнаи, таких чичас не делают, - приговаривала она, перекладывая все это пыльное, заплесневелое, давно потерявшее первоначальный цвет старье, из мешков в шкаф, - авось ишшо пригодятся.

А в боковом отделении гардероба на полках хранилось огромное количество нового нетронутого девственного постельного белья. Тут было все: белоснежные простыни и наволочки, вышитые пододеяльники, нежнейшие махровые полотенца. Сама Нина Ричардовна спала на застиранном до дыр дрянном посеревшем бельешке, а свои огромные запасы берегла впрок, для какого-то светлого будущего, которое, судя по-всему уже никогда не настанет.

На нижней полке необъятного шкафа стояли многочисленные жестяные банки со вздувшимися мясными и рыбными консервами, упаковки с чаем и кофе, все это богатство было выпущено в 70-80 годах прошлого века и давным давно уже пришло в негодность, но Нина Ричардовна продолжала его заботливо хранить по причине своей просто фантастической скупости. Такие знаменитые литературные герои как Гобсек, Скрудж, Плюшкин и Скупой рыцарь, по сравнению в Ниной Ричардовной были сущими транжирами.

Старушка ничего и никогда не выкидывала. Всю свою зарплату, а теперь уже и пенсию тратила на создание все новых и новых припасов. Очевидно, она твердо верила, что когда-нибудь наступит Очень Черный День и все это ей тогда пригодится.

Даже конфетные обертки она тщательно разглаживала утюгом и собирала в особую коробочку. Клетки из-под яиц аккуратно вставляла друг в друга и складывала на кухне. Одна такая башня уже достигла потолка, зато вторая была построена еще только на половину.

Кухонные шкафы просто ломились от новеньких сияющих кастрюль, сковородок и ковшиков. Чайные и обеденные, ни разу не использованные сервизы, заполняли все полки. Бархатные коробки с мельхиоровыми и серебряными ложками, ножами и вилками были аккуратно сложены в углу, под пирамидой из связанных стопками старых газет. Несмотря на такое богатство и изобилие Нина Ричардовна ела из страшной отбитой эмалированной миски гнутой алюминиевой вилкой. А чай пила из настоящего музейного экспоната - солдатской жестяной кружки времен первой мировой войны.

Вся кухня была заставлена мешками с рисом, гречкой, мукой сахаром и солью. Которые были приобретены недавно, а какие - двадцать лет назад, она уже не помнила. некоторые из них были начаты.

Питалась Нина Ричардовна очень экономно. Обычно, каждую неделю она варила большую кастрюлю каши, а потом один раз в день переключала немного варева в свою эмалированную мисочку, разогревала на газе и ела. Вот и вся ее еда. Раз в месяц она позволяла себе неслыханную трату: приобретала немного куриных гузков. И варила из них суп. Таким изысканным лакомством она обычно угощала своего единственного племянника.

Анатолий, хоть и был алкашом, но жадиной - никогда. Он приносил престарелой тетушке то шоколадку, то фрукты, а однажды купил на рынки целый килограмм говядины. Но эти приношения не шли ей впрок. Шоколадки отправлялись на вечное хранение в гардероб, фрукты красовались в хрустальной вазе до полного сгнивания, а прекрасный, свежий кусок мяса лежал в ее холодильнике до тех пор, пока не позеленел, после чего старушка попробовала его сварить, но он начал источать такой аромат, что ей, скрепя сердце, все же, пришлось выбросить этот деликатес.

В правом углу кухни пылились нераспечатанные красивые коробки с импортной бытовой техникой: кухонным процессором, миксером, соковыжималкой и кофеваркой. Нина Ричардовна время от времени любовалась на них,

читала надписи на коробках, но раскрыть их так и не решилась.

Ванная комната в квартире была недоступна, она превратилась в хранилище стиральных порошков, мыла и шампуня. Тут были совершенно уникальные экземпляры, например пачка Тайда 1965 года выпуска, а еще ГДРовский антистатик "Юбилей" в высоком флаконе и еще множество моющих средств импортных и отечественных, датированных последней четвертью прошлого века. Дверь в ванну теперь нельзя было открыть, оттуда шел невыносимый концентрированный запах стирального порошка. Даже проходя мимо этой двери можно было подхватить приступ аллергического насморка.

Стены гостиной и спальни украшали коробки из-под готовых коржей для торта и обертки от шоколадных плиток. Она завесила этой "красотой" все стены своей двухкомнатной квартиры. Сейчас и жить-то можно было только в одной комнате, вторая, побольше была заполнена до отказа старыми не нужными вещами, которые она перевезла сюда из деревенского дома. Там был настоящий склад ветхой, поломанной, никому не нужной мебели. Если кто-то из соседей собирался купить новый диван или шкаф, а старый при этом выбросить, то Нина Ричардовна просила, чтобы эту вещь не выкидывали, а приносили ей.

Одевалась старушка весьма и весьма оригинально. Она носила ярко-красный кремплиновый костюм с укороченными рукавами, под который поддевала теплые свитеры и фufайки зимой, а летом легкие блузки или футболки. Круглый год на ней были толстые нитяные чулки грязно-бежевого цвета, неаккуратно свисающие складками на ее тощих кривых ногах.

Голову старухи и на улице, и в помещении украшала ярко оранжевая шелковая косынка с изображением олимпийского мишки и надписью "Олимпиада-80". Когда было холодно, Нина Ричардовна надевала поверх нее огромную вязаную шапку, в которую, для придания объема и более высоких эстетических качеств она напихивала старого тряпья. Водрузив это величественное сооружение на голову, она становилась

похожей на ужасного марсианина из фильма "Марс атакует", еще большее сходство придавало ее маленькое сморщенное личико со злыми, колючими глазками.

В таком виде можно было идти на рынок или в поликлинику, а хоть и в гости к подруге.

На этот раз Нине Ричардовне предстояло последнее, ее пригласила на день рождения старинная подруга Алевтина Дементьевна.

Нина Ричардовна долго искала предлог, чтобы не принять приглашение. Ведь придется подарить подруге хоть какой-нибудь подарок. Но Нина Ричардовна просто физически не могла этого сделать. И не потому, что не было денег. Их как раз имелось предостаточно - полный матрас. Ей было мучительно больно потратить хоть копейку на что-нибудь, кроме своих стратегических запасов.

После суток мучительной борьбы она, все-таки, решила идти в гости, но деньги не транжирить, а подарить что-нибудь из своих старых припасов. Но что? Одну из многочисленных хрустальных вазочек? Жалко! Чайный сервиз? Упаси Господь, такая роскошь! А может комплект постельного белья, ведь вон их сколько? Нет! Как можно, для себя, и то жалко, жаба душит! Ну что, тогда? Есть! Придумала, коробочку конфет. Вон, их сколько в серванте пылится! Эти, что ли? Жалко, они импортные, вон весь картон позолочен, такая и самой сгодится! Ну, тогда те? Нет, нет, нет! Это ассорти, их лучше самой съесть, потом когда-нибудь, на праздник! Да нет, целую коробку конфет дарить не дело - миллионерша, что ли? А у Алевтина Дементьевны морда не треснет? Пожалуй, все-таки треснет! Лучше подарить вон ту плиточку шоколада. Красиво и сердито! И оберточка симпатичная и вес нетто - 100 грамм. Подойдет, правда уже на два года просрочена, да кто на это смотреть станет? Уж точно не Алевтина. Схряпает за милую душу и не подавится! Решено, плитка подходит, ее не так жалко, как целую коробку конфет. Только надо еще открытку подписать. Нина Ричардовна стала лихорадочно рыться в старых письмах, которые ей когда-то присылали родственники и знакомые. Вот, нашла что хотела. Яркая

открыточка из двух половинок, если исписанную часть отрезать, будет совсем как новая. Ну вот, готово! Старушка удовлетворенно рассматривала результат трудов своих - исписанную корявым куриным почерком криво отрезанную картонку с душевными пожеланиями. Хорошо! Замечательно! Теперь осталось только подушиться - и вперед, в гости!

Нина Ричардовна вошла в подъезд и с трудом поднялась на третий этаж. Немного отдышавшись на лестничной площадке, она скроила приветливую физиономию и нажала кнопку звонка. Ей немедленно открыла маленькая толстая старушка в нарядной кружевной кофточке с пышным жабо и яркой пластмассовой брошкой на шее.

- И какая ж ты нарядная сегодни! Прямо как из журнала "Писель", - похвалила подругу Ричардовна.

- Какой такой "Писель"?- удивилась Алевтина Дементьевна.

- А енто модный журнал такой, где Авелина Хромченко работает. Ты шо, дярвеня неасфальтированная, "Модный приговор не смотришь"?

- Ну, как же, смотрю, - смутилась хозяйка.

- Да не важно, хошь гляди, а хошь и не гляди! Дело твое! А сыйчас - с днем рождения поздравляем, счастья радости желаем! - она трижды облобызала толстые дряблые и обвисшие, как у английского бульдога щеки виновницы торжества и вручила ей свой подарок, заботливо обернутый в газетку, - Чем богаты, тем и рады!

- Благодарствуем, Ниночка! Ты смотри, когда будешь по коридору проходить, не запнись об тубаретку, а не то на голову лисапед свалится! У меня тут лампочка перегорела, да больно они нынче дороги! Ужо со следующей пензии прикуплю новую.

Алевтина благополучно довела гостью до стола, где уже сидела соседка - Шушаник Мкртчевна - дярвеня, абсолютно глухая старушенция, которая широко улыбалась беззубым ртом и радостно кивала головой на каждое сказанное кем-либо слово.

- Ну вот, гостыюшки, потчуйтесь! Сама на стол собирала! Вон, смотри, Ричардовна, енто студень! Я его токмо из свиных шкурок варю. Мне их соседи для кота дают, а я их подкоплю в морозилке, вот к праздничку и студень будет! Попробуй, вкуснотища!

Нина Ричардовна отрезала себе порядочный кусок и немного откусила.

- Ммм, вкусенный студенец! Упругий, что твоя резина, правда, иногда щетинки попадаются, да не беда - не баре, выплюнем!

- К студню-то горчички возьми, я ее сама готовила: с просроченных горчичников-то соскоблила, да кипятком развела! Ядреная получилась, вырви глаз! А енто, гостыюшки, мармашелевый салат - по собственному рецепту! Мое Хау-Ноу! - блеснула хозяйка знанием иностранных языков.

- Шо? Гавно? В каком смысле?

- Темнота, ты, Ричардовна! Хау-Ноу, значит, по собственноручному рецепту!

На блюде возвышалась горка неаппетитной сероватой массы.

- Ну шо, попробовала? Как оно тебе, Хау-Ноу?

- Ничаво себе, кушать можно! А шо ты туды ишшо вбухала, акромя мармашели, коли не сякрет!

- Только тябе и скажу! А Мкртчевна усе равно не услышит. Тама есть квашена капуста, редька да лучок. И майонез собственного приготовления - натурпродукт! Это тебе не в магазине! Я бяру крахмалу, завариваю его кипятком, сахару туды, соли, да уксусной ясенции немного! Вкусенный получается, пальчики оближешь!

- Ну ты, Алевтиньюшка, и мастерица! Прямо царский ужин приготовила! Давайте-ка выпьем за такую рукодельницу! Куды Ивану Урханту до тебе!

- Налявай себе и Шушанику, Ниночка, а я-то сама пяртоник, мне нельзя, дохтур запрятил! Ты токма посмотри, какой лякерчик! С советских времен храню. Семьдесят четвертого года выпуска! На силу от сваво анвалида уберегла! Старый черт пьет все, что не приколочено, весь деколон в доме извел!

- А где же он сам, Ягорыч-то? Не подох ишшо?

- Да что ж ему станется, алкашу проклятому! Он мой день рождения с утра уже отметил, а таперя дрыхнет! Ох, и намучалась я с этим анвалидом! Как в пятьдесят шестом году поездом ногу-то и отрезало, так каждый год его по ВТЭКам-то и тоскаю, проклятого! Смотрют все ироды, не отросла ль у няво нога обратно.

Старушки выпили по рюмочке, причмокивая языком и закатывая глаза от удовольствия.

Наливка ударила Ричардовне в голову, и старушка пустила слезу.

- Ой, милая, как же ты, бедолага-то намучалась! - и Нина потянулась за новой порцией мармашелевого салата.

- Да уж, с мужиками ентими одна морока! Я сваво супостата пять лет назад насилу схоронила, все никак не подыхал, скотина! Маразмы его совсем замучили! Меня не узнавал. Как возьмет костыль-то свой огромный и меня по всей квартире с матерком гоняет. Только в туалете от него и спасалась. Царство ему небесное, ироду проклятому! - старушка перекрестилась.

Старушки повздохали, помолчали, каждая о своем, только Шушаник бессмысленно улыбалась и увлеченно ела студень.

- Ну шо, девчата, таперя надобно чайку испить с пирогом!

Алевтина торжественно внесла в комнату высокий подрумяненный пирог. Кипяток разлили по чашкам, хозяйка достала из серванта одноразовый пакетик чая и стала по очереди окунать его в каждую чашку. А потом нарезала лакомство.

Гости принялись за угощение, с удовольствием запивая его чаем.

- Уж больно у тебе пирог хорош! Только никак не пойму, из чаво он изделан, - сказала Нина Ричардовна.

- А рецепт-то у меня не простой, особенный, тожить мое Хау-Ноу! Бярешь банку старой повидлы, которая уже забродила, не выбрасывать же добро, за все деньги плачены! Всыпаешь туды полпачки гяркулесу и чайную ложку соды, все хорошенько размешиваешь, наляваешь у форму, апосля у

духовку на малянький огонь. Через час пирог готов! Дешево и сьрдито!

Насытившиеся и слегка опьяневшие старушки включили телевизор.

- А что это тьявизер усе в красном свете-то кажет? - удивилась Нина Ричардовна!

- Дык енто ж "Рубин", он отродясь так и показывал.

Посмотрев программу "Время", Нина Ричардовна поняла, что пора и честь знать.

- Ну ладненько, спасибо ентому дому, пойдём к другому! Спокойной вам всем ночи!

Нина Ричардовна натянула свою грандиозную шапку а-ля "Марс атакует" и отправилась восвояси.

- Але! Але, Але! Личардовна, ты мяне слухаешь? Енто я, Аля,- на другом конце трубки раздался громкий хриплый кашель. Нина Ричардовна переждала, пока подруга закончит кашлять и ответила.

- Я тут! Шо случилось? Чаво звонишь?

- Дельце к тебе есть, важнецкое! Тябе мужчина нужон?

- На хряна он мне? Свово-то супостата насилу схоронила. Нет, не нужон.

- Таперя поздно отказываться, жди гостя. Хороший антилягентный старичок, Аристархом Порфирьевичем кличут. Я яго уже к тябе направила. Чичас, того и гляди, подойдет. Яго из дому выгнали, второй день по подъездам бомжует, пожалей человека-то, не гони, тябе Господь за енто наградит, не сумлевайся, Суся-то наш, он усе видит!

- Дык из сябе-то он каков, опиши! А то такие старые орангутанты попадаются, что Боже сохрани!

- Ну, для такого старого шимпанзе, как ты, любой орангутант в пору будет, погляди не нее, ишшо ломается, карга старая! Аленделонов ей подавай!

- Сама ты шимпанзе старое, и никаких Лянделонов мне не надыть, - рассердилась Ричардовна.

В этот момент в дверь позвонили. И Нина Ричардовна, поспешно поправив косынку, побежала открывать.

На пороге стоял небольшого роста полненький бородатый старичок в аккуратном клетчатом пальтишке и красной вязаной шапочке с помпоном. Он приветливо улыбался и протягивал Нине тощий букетик из трех красных гвоздик. В другой руке незнакомец держал старенький кожаный портфель.

- Позвольте представиться, милая девушка, Семиног, профессор словесности на пенсии.

- Какой такой восьминог? Вы шо, ишшо и восьминога с собой приперли? И где он? Дайте поглядеть на чудо морское?

- Да нет, вы не правильно меня поняли, дорогая хозяйюшка, это фамилия моя - Семиног. А зовут Аристархом Порфирьевичем. Позвольте войти?

- Ну проходи, Плутарх Портфельич, раздявайси, гостем будешь, а за букет - отдельное спасибо! - смягчилась Нина, принимая гвоздики, - вона туды польтишку свою повесь, а шапчонку на полочку ложи, ня стесняйси, боты снямай, вона тапочки маво покойного супруга надявай.

Аристарх Порфирьевич прошел в комнату.

- Да не стой столбом, присаживайси. Чичас чайку вскипячу. Нябось замерз?- аккуратный и вежливый гость почему-то сразу же вызвал у старой сквалыги симпатию.

- Есть немного, - признался профессор.

Вскоре на столе появились две облупленные эмалированные кружки с подозрительной буроватой жидкостью.

- Что это? - удивился Аристарх Порфирьевич.

- Чаек, вестимо, третьего дня заваривала. Ишшо ядреный.

- Нет, так дело не пойдет. Вот что, почтеннейшая, быстро выливайте эту бурду в раковину, - и Порфирьевич принес из прихожей свой старый кожаный портфель.

Аккуратно поставил на кресло и стал извлекать на свет божий разные деликатесы: упаковку чая "Гринфилд", палочку сырокопченой колбасы, сыр "Фетакса" в картонной коробочке, упаковку импортного печенья и, даже, свежий батон.

- Батюшки! Ты прямо буржуй недобитый, ишь какой новый русский! Откель у тебе столько добра? - зависть и восхищение переполнили душу старушки.

- Как откуда? Из супермаркета! Сахар-то у вас найдется?

- Вестимо, батюшка, найдется, как не быть песочку-то!

Дедушка аккуратно нарезал хлеб, наделал бутербродов с колбасой и с сыром.

Ричардовна недоверчиво поглядывала на коробочку с сыром "Фетакса", и наконец, решила спросить:

- А шо в ентом коробке, собачий корм?

- Да нет, это сыр такой греческий.

- А шож на ем тады написано "Футакса"? Нябось корм для ентой таксы и есть. Я яго есть ня буду. И ня уговаривай, - брезгливо скривив тонкогубый рот сказала Ричардовна.

- Что ж, воля ваша. Тогда кушайте с колбаской, она совсем свежая.

Нину не пришлось долго упрашивать. Старуха, с наслаждением пережевывая очередной бутерброд, спросила:

- Ну ты, покедова, расскажи мне, разлюбезный друг, как же енто тебе такого культурного мужчину из собственной фатеры на улицу выжили?

- Да вот так уж получилось! Прописал я к себе внука родного Всеволодика. А он, негодяй, большущую свинью мне и подложил в лице своей жены Кристины. Я им с дуру дарственную на квартиру подписал, в качестве свадебного подарка. И вот такая оказия вышла: вскоре меня очень вежливо попросили освободить жилплощадь, иди, мол, куда хочешь, найди себе какую-нибудь старушонку попримечнее с квартирой и живи у нее, а к нам можешь только в гости приходить. Вот я и ушел. Первую ночь в подъезде спал, а на вторую ночь Алевтинушка, добрая душа, к себе в прихожую пустила. Но Егорыч не слишком мне обрадовался. И Алевтина меня к вам направила, сказала, что не прогоните. Я хочу у вас комнату снять, платить исправно буду с пенсии, я не халявщик какой-нибудь, да и по хозяйству помогу.

- Ну ладно, живи, ежели хулиганничать не станешь. Вторая-то комната у мене вся мебелью забита, так что спать будем в

одной: я вон на том диванчике, а ты енту тахту оприходовай. На ней котейко покойный спал, покудова не околел, бедолага! - великодушно предложила старушенция, новый знакомый нравился ей все больше и больше.

- Уж вы не обессудьте, тысченку вам платить буду, да и продукты пополам. Договорились?

- Да куды от тебе денисси? Живи, мил человек, все вдвоем веселее!

На следующий день с самого утра Нина Ричардовна отправилась в собес, чтобы узнать о прибавке к пенсии.

- Я ухажу на цельный день, тама очередюга ажно до самого универмага, так шо ты тут без мене хозяйствуй, приберись маленько да обед состряпай, продукты, шо на кухне найдешь, те и впотребляй!

Ричардовна вырядилась в толщенное дутое пальто ярко оранжевого цвета, купленное в семидесятые годы. Отличное пальтишко, нет ему сносу, да еще и моднующее! На голову нацепила свою знаменитую марсианскую вязаную шапку и, захватив огромную ковровую кошелку, вышла из квартиры.

Аристарх Порфирьевич сразу же принялся за уборку.

Первым делом он зашел на кухню, присвистнул и сказал:

- Ну, здесь и авгиевы конюшни! Вовек не разгребешь! Что ж, глаза боятся, а руки делают! - и начал работать.

На помойку отправился стоунхендж из яичных ячеек, погнутые алюминиевые ложки и вилки, прогоревшая и облупленная посуда, треснутые тарелки, залежи конфетных фантиков и коробок, а также горы просроченных продуктов, на радость бомжам.

Вскоре кухня засияла чистотой. Он извлек из коробок новую бытовую технику и сверкающую новизной девственную посуду: сковородки и кастрюли, обеденные и чайные сервизы, дорогие мельхиоровые вилки и ложки.

Наведя порядок, Семиног сбегал в супермаркет, купил хорошие итальянские макароны, специи, свежий хлеб и жирненького круглого цыпленочка.

Вскоре обед был готов. К этому времени вернулась и старая сквалыга. Аппетитный запах, доносящийся с кухни, привел ее в восторг.

- А шо енто у нас так вкусенно пахнет? - спросила она добрым приветливым голоском, - Ты шо тут, Портфельич, пир на весь мир устроил?

- Всего лишь скромный ужин на двоих: цыпленок табака и паста под соусом болоньезе!

- Шо ишо за паста, зубная шо ли?

- Да нет, это макарены такие.

- Ага, енто навроде мармашели, токмо ишшо вкуснее! - восхитилась старуха, пробуя угощение, - ну ты и мастер-стряпун! Отродясь такой вкусноты не едала.

Сытая и довольная Нина Ричардовна в сладкой истоме откинулась на спинку дивана и заснула. Она еще не ходила на кухню и не видела, что там устроил ее новый квартирант.

Следующее утро началось со страшного вопля Нины Ричардовны:

- Ирод, супостат, анчихрист! Бяда - бяда, разорение! По миру пустил нехристь бусурманский! Нямедля ворочай назад усе мое движимое имущество!

- Какое имущество? Я только мусор вынес и барахло старое, никому ненужное.

- Это тебе ненужное, а у мене за усе деньги плочены! Усе наживалося непосильным трудом и лишениями! Нямедля ворочай усе взад!

- Как же я верну-то вам все? Весь мусор на свалку уже давно вывезли! Посмотрите в окно, все баки пустые стоят!

- Ох, горе мне, горюшко горькое, пустила на свою голову аспида, змея подколодного на сердце пригрела, пожалела сиротинушку бездомного! Что ж делать-то мне таперича?! - и она горько зарыдала.

- Что же вы мне тут "плач Ярославны" устроили? Дорогая Нина Ричардовна, как же мне вас утешить-то теперь? Хотите я заплачу за выброшенный хлам?

- Хочу, а сколько дашь?

- Ну, пятьдесят рублей, пожалуй, дам.
 - Маловато будет, давай уж стольничек, не поскупись, батюшко!
 - Ну ладно, получайте, хотя по правде это вы должны были бы мне заплатить за генеральную уборку.
- Они помолчали немного, каждый был доволен состоявшейся сделкой.

С тех пор Семиног и Ричардовна зажили дружно и весело. Старуха целыми днями шаталась по собесам, поликлиникам и прочим учреждениям, где всласть стояла в очередях и бодро переругивалась с другими старухами. А Порфирьевич вел домашнее хозяйство и готовил вкусные обеды. Он постепенно освободил от хлама и привел в порядок комнату и ванну, за что пришлось снова расплачиваться с хозяйкой живыми деньгами.

Старая сквалыга была очень довольна квартирантом.

Приближались новогодние праздники. Однажды декабрьским утром раздался телефонный звонок. Старуха подняла трубку:

- Ричардовна слушает! Говорите!
- Привет, подружка! - раздался веселый голос Алевтины, - Новый Год скоро, ты в курсе?
- А как же? Чай не на Марсе живем! Чаво звонишь-то?
- По делу звоню. У нас тут мероприятие намечается по поводу встречи Нового Года.
- Ну-ка, ну-ка, с этого места поподробнее!
- Так вот, компания у нас соберется. Шушаник со своим гамадрилом заявится, мы с Ягорычем, да и ты приходи, Портфельича можешь прихватить с собой. Стол организуем вскладчину. Пущай каждый принесет сове хвирменное блюдо и бутылочку шампани. А ишшо я для вас суприз приготовила, а какой - не скажу, придете - сами поглядите! Ну как, план мероприятия одобряешь?
- А как жишь не одобрить, дело-то хорошее, да и Портфельич обрадуется. Он у мене мастер-стряпун. Такенную вкуснотень

приготовит, шо пальчики оближете! Ну усе, до связи! - она положила трубку и побежала делиться приятной новостью с Порфирьевичем.

И вот 31 декабря Нина Ричардовна и Аристарх Порфирьевич собирались в гости. Старик аккуратно заворачивал в фольгу только что приготовленное праздничное блюдо. Это была курица по-царски, фаршированная омлетом с ветчиной и шампиньонами. Порфирьевич уложил в бумажный пакет сдобный пирог с капустой и слоеный с мясной начинкой.

Ричардовна вынула из холодильника бутылочку шампанского "Помпадур", - "Вот дожила-то! Таперя усякие "помпадуры" хлебаю, неплохо-то я устроилась на старости лет, спасибо Портфельичу!"

Семиног надел свой лучший серый костюм, белоснежную рубашку и повязал галстук-бабочку.

- А вы-то что не наряжаетесь? Неужели прямо так и пойдете?

- А шо? Костюм кремпленовый, прочный, сносу ему нет, вполне еще приличный.

- Нет, так дело не пойдет! Ну-ка примерьте вот это! Это подарок к Новому Году! - И он вытащил из пакета темно-синее шерстяное платье с белым кружевным воротничком, при виде которого у Нины аж дыхание сперло от радости.

- Батюшки святы! - всплеснула руками старушенция, - красота-то какая, умереть - не встать!

- Ну, умирать-то нам рановато! Примеряйте скорее, лишь бы впору пришлось.

Новое платье сидело идеально.

- Ну ты даешь, Портфельич, глаз-алмаз, просто диву даюсь!

- Остался последний штрих! - сказал Семиног и снял с головы Ричардовны ее любимую позитивную косынку с олимпийским мишкой.

- Ой, это-то еще зачем?

- Ниночка, у вас чудесные волосы, позвольте мне сделать вам новогоднюю прическу.

Он тщательно расчесал ее длинные седые косы и красиво уложил их на затылке в виде кренделя. Закрепил свое произведение шпильками.

- Ой, батюшки, а я, оказывается, еще ого-го! В самом соку женщина! - восхитилась старуха, разглядывая свое отражение в большом мутноватом зеркале.

- Вы прекрасны, ну прямо как Нина Риччи!

- Ой, Личардовна, ты ли енто? Тебе и не узнать-то!- вскричала Алевтина Дементьевна, открывая гостям двери, - у тебе, оказывается, еще волос на голове много! А ведь я-то думала, что ты лысая! Лет сорок тебе без косынки-то и не видала!

Гости прошли в комнату и уселись за стол, где уже уютно расположился, как ни странно, трезвый Егорыч, соседка Шушаник и ее муж Варшапет - седовласый армянин с внушительным носом и огромными обвисшими усами.

- Ну шо, Ниночка, выкладывай свое блюдо на общий суд! Вон Шушаник свое пхали принесла, а я мармашелевый салат приготовила - цельный тазик! Стюдню огромную касероль наварила да паштету из рыбьих унутренностей навертела - новое мое Хау-ноу, вкуснотища неописуемая.

" Неужели еще недавно я ела жуткую Алевтину стряпню, да еще и похваливала?" - подумала сквалыга и ужаснулась.

Скоро придет мой суприз, он и будет решать, чье блюдо вкуснее! - тараторила Дементьевна.

Тут же раздался звонок в дверь, и Егорыч шустро побежал открывать.

- Кто тама? Ответствуй! Коли друг, так проходи, коли враг, так прочь иди!

- Это я - ведущий Игорец, и швец, и жнец, и на дуде игрец, открывайте шире двери, коли люди вы - не звери!

В гостиную, приветливо улыбаясь, вошел здоровенный детина с широкой красной рожей и кучерявой головой.

- Ну, здравствуйте, люди славные, православные! - и поклонился трижды в пояс.

- Что за шут гороховый? - тихонько спросил Порфирьевич у Егорыча.

- А это и есть Алькин сюрприз! Она наняла ведущего, чтобы повеселить гостей.

- А где она его нашла?

- Да на столбе объявление прочитала да номерок оторвала, да и позвонила!

Ричардавна с интересом разглядывала ведущего: " А шо, интересный мужчина! Но мой Портфельч, усе равно, краше!"

- Ну что, добра молодца встречайте, привечайте, угощайте!- декламировал Игорец.

- Просим, батюшко, к столу, присаживайся, дорогой гостьюшко, отведай наших яств и рассуди нас, какое блюдо больше по душе придется! - пригласила ведущего Алевтина.

- Аааааааа! Ээээээээ! - и Игорец улыбнулся еще шире, сел за стол и начал пробовать мармашелевый салат. Его рожа мгновенно перекосилась в брезгливой гримасе, он тут же выплюнул все обратно в тарелку.

- Что ж вы, бабулечка - красотулечка, надо мною шутить изволите? Нехорошо, это же грех! Клейстером добрых молодцев угощать - врагов лютых наживать!- огласил он свой вердикт.

- А вот теперь наше блюдо попробуй, да? Пхали называется, моя Шушаник готовила, - и Варшапет пододвинул к нему тарелку со своим угощением.

- Ой, кушанье заморское, отродясь такого не видывал, отродясь о нем не слыхивал и не вкушал никогда!

Игорец набрал полную ложку пхали, отправил в свой аротный рот и тут же заорал:

- Аааааааааа! Воды мне, люди добрые! Погибаю, спасите душеньку православную! Огнем да полымем адским возгораюсь! - Выпученные глаза покраснели и из них градом полились слезы.

Егорыч, который соображал быстрее других, налил стакан лимонада и протянул несчастному. Игорец выпил залпом и облегченно выдохнул:

- Пщщщшшшшшш! Ой! Словно в аду побывал! Спасибо, старичок, спас душу православную! Пожалуй, не буду я третье блюдо пробовать, итак насилу жив остался! Чего же вы напхали в это пхали? Яду змеинового? Что приготовили, то сами и кушайте, люди добрые, и воздастся вам за труды ваши!

- Нет уж, извольте, товарищ ведущий, и мое блюдо попробовать, а то так нечестно будет! - и Порфирьевич положил ему на тарелку ароматный кусочек курицы с золотистой корочкой.

Игорец сначала с опаской понюхал угощение, повертел на вилке, рассматривая, не прицеплено ли там какой-нибудь гадости и, наконец, решился откусить немножко.

Все гости с нетерпением ожидали результата дегустации. На красной роже Игорца расплылась блаженная улыбка:

- Вот уж, братья мои, праведники, удружили мне, потешили душеньку православную! Вкуснота неопиcуемая! Дедушка, дай еще кусочек и лимонаду плесни. А лучше, угости сироту шампанским, уж очень я вина заморские уважаю!

Все с облегчением вздохнули и зааплодировали ведущему.

Нина Ричардовна окинула торжествующим взглядом всех присутствующих, мол, то-то, знай наших!

И Алевтина объявила торжественным голосом:

- В кулинарном поединке победил Портфельч! Он выиграл право произнести первый тост в Новом Году, когда часы пробьют двенадцать. А наша программа продолжается!

- Веселитесь старики,
пока не отбросили коньки,
Новый Год на пороге,
разомните-ка ноги,
Новый Год - он придет,
Новый Год - он не ждет!
Улыбнитесь поскорей,
и пляшите веселей,
крепко за руки возьмитесь,

в хороводе покружитесь!
Ножками потопайте,
ручками похлопайте! - в стиле рэп продекламировал Игорь.

Эх, раззудись зуда, раззудись дуда! - с этими словами он достал дудку из кармана и начал на ней весело наигрывать плясовую.

Старики и старухи бодро вскочили из-за стола и принялись лихо выкаблучиваться под звуки Игорцевой дудки.

В этот момент в дверь позвонили. Егорыч побежал открывать
- Кто там?

- Это я, Николай, поскорее открывай!

- О, это ж мой брательник! Тебя уже выпустили?

В квартиру ввалился маленький, тощий мужичонка в тельняшке и ватнике, в валенках и ушанке.

- Привет, брательник! - сказал Николай, обнимая Егорыча, - тут со мной еще подельник - Митяй!

В квартиру с сопением ввалился огромный краснорожий абсолютно лысый толстяк, смущенно комкая в руках большую клетчатую кепку.

- Мы не помешаем? - смиренно спросил толстячок, тряся щеками, - У вас тут, я вижу, весело. А мы только что оттуда и податься нам не куда... Не прогоните?

- Коль пришли, так проходите, - нехотя пригласил их Егорыч.

Гости поспешно уселись за стол и жадно набросились на угощение.

- Вот вкуснотища-то! - сказал Николай, уничтожая мармашелевый салат.

- Просто объедение! Ух, какое остренькое! - подтвердил Митяй, наворачивая пхали.

- Ну вы, ребята, даете! Неплохой у вас аппетитец! - восхитился Игорь.

- Посидел бы с наше на казенных харчах. Кто в зоне не был, тот жизни не знает! Правильно в народе говорят, - сказал Митяй, наливая водки себе и Николаю.

- А мне? Плесни-ка, брательник, - протянул Егорыч свой стакан, - от этой шампани только ветер в животе, а пользы для здоровья никакой!

- Это точно! - подтвердил Варшапет и тоже налил себе водочки.

- Ой, братья мои славные, плесните-ка и мне праведной водицы! - попросил Игорец.

- Минуточку внимания, - обратился к присутствующим слегка захмелевший Варшапет, - сейчас я буду проводить конкурс армянских народных загадок. Про армянскую радиостанцию "Амаяк" слышали? Так вот я там когда-то работал. Итак, внимание! Загадка первая: два негра приехали в Тбилиси и купили себе по хачапури. Один кушает, а второй - нет. Почему? Кто угадает?

Тут Нина Ричардовна до сих пор скромно сидевшая в уголке подняла руку, как прилежная школьница:

- Можно я? Можно?

- Ну, говорите Ниночка, я слушаю, - добродушно отозвался Варшапет.

- А яму ента хачапурия не пондравилась, он более к бананам привыкший, - выпалила старушка.

- Нет, ответ не верный. Есть еще версии?

- Ага, у меня есть, - обрадовался Игорец, - у него зубы разболелись, жевать не может, правильно?

- Нет, и ваш ответ неправильный, еще кто-нибудь хочет ответить?

- Да ня знаем мы, Варшапетушка, сам ответь, не томи, - попросила Алевтина.

- А ответ-то простой: второй негр не есть хачапури, потому что потерял, - он выдержал театральную паузу и продолжил, - А теперь следующая загадка. Вышел я на улицу, вдруг дождик пошел и ветер налетел. Я открыл зонтик, а ветром его из моих рук и унесло. И пошел я искать. Ищу-ищу, ищу-ищу - нет зонтика. И вдруг навстречу мне собака, а в зубах у нее...? Вот кто угадает, что у нее в зубах?

- Ну шо тутa угадывать, понятно дело, зонтик твой у ней у зубах, - сказала Ричардовна. Ей такие загадки не нравились, уж слишком простые.

- А вот и неправильно. Кто-нибудь знает правильный ответ? - спросил Варшапет.

Но аудитория молчала. Никто не хотел отвечать на поставленный вопрос. Тогда Варшапет скроил значительное лицо и произнес, - а в зубах у нее хачапури, тот самый, который негр потерял.

Все засмеялись.

- Ох и мудреные же загадки у армянского радио, только армянину и под силу их разгадывать, - заметила Алевтина.

Вскоре началось настоящее веселье. Изрядно приняв на грудь, Игорец выскочил из-за стола и принялся плясать вприсядку.

- Ух ты, ах ты!

Из бухты из Барахты!

Я приплыл на корбале
и был слегка навеселе!

Я исполню пируэты
и спою про вас куплеты!

У старушки Шушаник
замечательный мужик,
добрый дядя Варшапет
купит мне велосипед!

Вот профессор Семиног,
у него не восемь ног,
а все-то две руки,
он испек нам пироги!

Бабка Нина хоть куда,
не берут ее года,
и душою молода,
это правда - да, да, да!

Наш Егорыч молодец,
настоящий удалец,
любит выпить иногда,
но ведь это - не беда!

Алевтина, Алевтина,
нарисована картина,
всех нас в гости приглашает
и радушно угощает!
Я ведущий Игорь,
развеселый молодец,
я частушки вам пропел,
славно выпил и поел!
А теперь уж извините
и денюжку мне отстегните!

В этот момент часы пробили двенадцать, все наполнили
бокалы шампанским и звонко чокнулись.